

Джек из коробки

САША ХЕЛЛЕЙСТЕР

18+

Александра Огневич
Джек-из-коробки

«Автор»

2026

Огневич А.

Джек-из-коробки / А. Огневич — «Автор», 2026

В штате Делавэр, 1981 год, на свалках находят один за другим ящики с трупами в них. Убийцу из-за этого способа избавляться от тел прозвали «Джек-из-коробки». Клара Хоули сняла домик в пригороде Нью-Касла на лето и осень. Она художница и набирается там вдохновения. Однажды она встречает импозантного отдыхающего, Леона Льюиса. Она знает, что Леон — тот самый убийца, но не сдает его полиции, а похищает

© Огневич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александра Огневич

Джек-из-коробки

Пролог

Где он находится? Руки зверски ломит, болит каждая мышца. Всё тело горит, горит изнутри, точно ему дали проглотить живое пламя, и теперь оно разрастается в нём, как в глиняном сосуде.

Где он находится? Здесь темно, глазам никак не привыкнуть к кромешному мраку. Он почти ничего не помнит. Разве что удар в голову, такой силы, что кровь потекла на лицо и за воротник рубашки, он помнит её горячий ток. Помнит, как глаза закрыла багровая пелена. С кем он был, что он делал? Он помнил, как ужинал в «Бересклете» с...

Леон тихо промышал. М-м-м-м да м-м-м-м, и больше ни одного звука издать не может, ну вылитый бычок на выгуле. Про бычка это он метко. Такой здоровый, и так легко вырубился. Это смешно, нет, ну серьезно. Он дёрнул руками и опешил. Веревки туго стягивали его запястья и пересекали грудь так тесно, что передавливали и впивались в него, в выпуклые складки тела

откормленного тела, мускулистого и тяжёлого тела, тела человека, с которым лучшие бы не шутить

в рубашку, от которой пахло кровью. Может, попробовать встать? Он дёрнулся. Такое чувство, что стул привинтили к полу. Бесполезно? Леон осмотрелся снова. Тьма окружила его и сжалась вокруг, как кулак гиганта, а в центре ладони был он сам — и задышался от удушья, и пытался ужаться до размеров своей клетки.

Каково было тем, чьи кости ты ломал и живыми прятал в деревянные ящики, ящики не больше тех, какие доставляют с наклейками «хрупкое» и «бьющееся» на боках?

Леон дёрнулся снова. На шее вздулись жилы. Волосы упали на глаза. Пряди были что сосульки: в крови, скользкие, холодные, как могильные черви. Леон вскипел и молча рванулся вверх. Что-то скрипнуло под его ногами. Стул выдержал. Действительно, прикручен... Как объяснить иначе?

Сколько он здесь уже сидит? Где это *здесь*? Кто врезал ему по башке с такой силой, что из глаз посыпались искры? Он перебирал разные варианты. Вряд ли это копы. Ну конечно, вряд ли. Дурость какая. Его бы арестовали. Он бы понял, что находится за решёткой, в изоляторе хотя бы. Кто тогда? Кто? Леон подумал: да кто-то ненормальный похитил его, и захотел рассмеяться. Это же смешно. Его, его — похитили? Что за чушь. Он кого хочешь похитит сам, он эту хрень знает, всю подноготную, но связываться не хочется, с этим тьфу сколько проблем, и ему это ни к чему. Балласт этот ни к чему. Женщин ему хватает без похищений, с жертвами — разговор короткий. Он предпочитает разъездную работу. Убил — уехал. Удобно, и деньги позволяют. Возможностей много, если кошелек в полном порядке и ты не привязан к месту, куда должен неизбежно ходить, чтобы не вызывать подозрений и элементарно не подохнуть от голода. Он жил скромно, периодически пользуясь своим достатком только в редких случаях. Он не привлекал к себе внимания.

Как вышло, что его связали здесь?

Здесь — это где?

Мысли потекли дальше. У Леона была хорошая фантазия. Он допустил, что его похитили, допустим, те, кто хотел ему отомстить, каким-то образом узнав, кто он такой. Он перешёл кому-то дорогу. Что тогда они с ним сделают? Кто эти *они*? Он почему-то даже не думал, что

это может быть один человек. Да нет же, действуют явно сообщники. Потому что его нужно мало того что вырубить, но ещё и донести куда-то

куда-то сюда, в темноту

и так хорошо связать. Провернуть такие вещи непросто. Еще бы вспомнить, что было накануне, до того, как он вырубился... Голова болела, на затылке зияла рана. Леон чувствовал, как из неё вытекает кровь. Он хотел бы сказать, да погромче, помогите — но потом усмехнулся и не стал. Своего похитителя звать на помощь? Что за ерунда. Он не какой-нибудь глупый барашек на заклание. Он сам-то на такое бы поддался, пошел бы помогать? Нет, он появился бы только затем, чтобы сделать стократ больнее.

Но сбоку и будто бы сверху от Леона что-то скрипнуло, откликнувшись на его мысль. Он быстро, чутко повернулся на звук. Хотя зрение ему было совершенно не в помощь, слух подсоблял. Скрип подсказал, что это помещение достаточно большое, и тьма укрывает все пространство, очевидно, находящееся где-то внизу, потому что скрип — так скрипят старые ступеньки — слышится точно с высоты. Значит, что? Он в подвале? Или просто на, например, условном первом этаже? И кто-то находится здесь вместе с ним? Как долго он не один?

А может, он один и ему всё только кажется? Если дом старый (почему он решил, что находится в доме, а не где-то ещё?), скрип может издавать каждая его часть просто при усадке. Старые дома говорят на все лады. Леон поёрзал. И вдруг, внезапно, обретя контроль над болью в своем теле и его ощущениями, понял: кричи не кричи, а рот ему перетянули кляпом, как удила между зубов сунули. Он раздул ноздри и рванулся грудью вперёд. В неё тотчас впились верёвки, стало невыносимо даже дышать — и Леон обмяк, искренно недоумевая, как мог попасть в такую историю.

Право слово, что за ерунда-то? Замешательство в нём перекрыло все остальные эмоции. Страх не было в помине, удивление — вот, пожалуй, его хватало; а что ещё? Гнев? Нет, пока что гнева он не чувствовал. Леон глухо простонал в свой кляп «ух-мф-ф», усталое, низкое и похожее на фыркание тигра. Голова гудела. Тело подчинялось хозяину очень скверно. Расслабившись в верёвках, он пробовал вытащить руку, изловчиться... всё без толку. Но если перестать думать и действовать, тьма обступит еще плотнее, и тогда покажется, что она хочет Леона раздавить и поглотить, как делала это всегда.

В Леоне было шесть футов и тринадцать дюймов. Он весил добрых двести два фунта. Это был вес мужчины с прекрасным калорийным питанием и системой жёстких регулярных тренировок. Леон мог одним ударом вырубить крепкого мужчину. Он не раз уже расправлялся так с теми, кого надо было в такой же приватной обстановке подготовить к

к тому, чтобы поместить в ящик

к смерти. Если жирок и покрывал его тело на боках, поверх пресса, на холке, на бёдрах, то не портил, а придавал солидности, массы, весомости. Леон никогда не выглядел тонким. В юности он был полноват, в детстве его дразнили за это — он был мягким мальчиком с мягкой улыбкой. После открыл для себя бокс. Это он к чему?

Кто может утащить двести два фунта чистого веса? И главное, где он был в минуту, когда отключился, почему ничего не помнит?

«Потому что тебе дали по башке».

Он отмахнулся от голоса здравомыслия, раздражившегося под черепной коробкой, и хотел было попробовать освободиться (опять), как вдруг кто-то включил свет.

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Это от Иоанна.

Он пролился сверху, как рассеянное, просыпанное сквозь сито золото, и ослепил Леона. Леон шикнул: глазам стало больно. Сколько он просидел в темноте вот так? Тогда же внезапно понял, как занемела и затекла шея. Разогнуться невозможно. Спина отваливалась. Сидя согнутым на стуле в три погибели, перетянутый веревкой, он вдруг увидел, что находится в подвале, среди деревянных стен, на полу, залитом бетоном. Между опор деревянной же лестницы —

по виду вроде дубовая — свален кучей всякий хлам. Коробки, ящики, рухлядь, старьё. Под потолком покачивается одинокая лампа, не такая уж яркая, на самом деле, как думает Леон. В самом углу расположены бойлер и отопительный котел. Пока Леон осматривался, тот, кто включил свет, медленно сошёл по ступеням.

Он хотел бы сказать — ты?! — но рот вообще-то дельно заткнули. У Леона вырвался полувыдох (м-мф), затем полустон. Он выпустил из ноздрей воздух, высоко поднял грудь. При новом выдохе она обрушилась.

Сбоку на лестнице, сложив руки за спиной, вежливо, как выпускница колледжа на вручении диплома, замерла девушка. Леон прекрасно её знал. Клара, Клара Хоули. Они болтались вместе всю прошлую неделю. Они недавно катались на лошадях. Она понравилась Леону: можно было бы сделать с ней то же, что с другими, потом, не здесь, ну а здесь...

Он ухватился за воспоминание и поморщился. Они пошли в кафе. Он ее угостил, довез до дома на машине, сел на веранде. Она дала ему чай. Он приехал посмотреть картины. Она художница. Она пишет здесь, в Нью-Касле, чтобы создать серию работ для книги, но пока у неё неважно получается.

Выходит, Клара его сюда упекла? Леону стало смешно, он скользнул уверенным взглядом по ней. Она среднего роста, спортивная только в меру, а так женственная, обычная, словом — не совладает с ним ни в какую. Один удар — она в нокауте. Как она его донесла сюда? Надо спросить, кто её поделщик. Ах да, рот заткнули...

У Клары была светлая кожа оливкового оттенка, карие глаза (разрез кажется азиатским: она говорила, её папа японец), гладкие темно-каштановые волосы ниже плеч, убранные в узел. Овал лица — сердечком. Такие девушки выглядят сентиментальными, романтичными. В уголках губ притаилась нестираемая вежливая полуулыбка. Телосложение — тонкое, грудь маленькая, и этот типаж ему не нравится, он любит полнокровных, чтобы схватить за ляжку, и пальцам было куда впиться. Клара казалась эфемерной, что ли, и вместе с тем — такой порядочной, такой чистенькой, организованной, удивительно... уютной? Скучной? Предсказуемой? Незаметной? Да, да, это самое слово. Леон покачал головой, и шею тут же пронзила боль, так что он не выдержал. Издал глухой стон. Он явно тут сидит не один час и не два, тело так за час не затечёт.

Клара молчаливо сошла со ступенек. У неё на ногах были кожаные черные балетки марки Селин, недешёвые: он видел надпись на стельке, когда она снимала их, чтобы сесть с ногами в кресло, как птица в гнездо. Одета она была в тонкую белую блузу с острым отложным воротником. Блуза заправлена в тёмно-синюю юбку ниже колена. Лодыжки оттого казались ещё тоньше. На руках брякнул золотой браслет с брелоками. На губах — легкая улыбка. Чему она улыбается? Леону стало не по себе — и сразу тоже весело. Он мрачно ухмыльнулся в ответ, несмотря на кляп. Разомкнутые челюсти показали крепкие зубы, сжимающие ткань. Клара обошла его со спины, и улыбка у Леона погасла.

По заливку пробежала дрожь. Клара опустила обе ладони ему на плечи и ласково сжала. Закаменевшие мышцы взрезало острой болью. Леон дёрнулся.

— Ты был в отключке сутки, — мягко сказала она и сжала снова. Боль прострелила затылок. Леон зажмурился и с трудом откинул голову чуть назад. — Я так боялась, что взрезала тебе слишком сильно. Хорошо, что нет. Иначе дальше — как быть?

Она сказала это таким тоном, будто он в чем-то провинился. Маленькие руки начали гладить шею. Тотчас в затёкшую плоть вонзились тысячи иголок.

— Не очень просто было усадить тебя на этот стул. Как понимаешь, мне не особенно хочется стаскивать тебя с него. Опять мучения! Но, поскольку ты здесь сидишь неподвижно, я решила немножко помочь. Так же приятно? Конечно. Можешь не отвечать. Приятно. Если я тебя развяжу, ты просто упадёшь лицом вниз. Ноги-то затекли. И не только ноги, да? Так что делаю тебе одолжение и оставляю как есть.

Он и не ответил бы даже без кляпа, знал, что она издевается, и распалялся сильнее. Шею почти отпустило, волны жара, протекающие по размятым мышцам, угасали. Клара неплохо знала свое дело. Она по-хозяйски потрепала Леона по загривку, с удовольствием женщины, так же точно треплющей огромного дога или коня. От этого стало как-то не по себе.

Она его что, совсем не боится?

— Я люблю крупных мужчин, я тебе говорила? Нет, конечно, такие вещи при знакомстве не сообщают. Но меня внушительные габариты только завораживают, и как женщину, и как художника. Знаешь, объемы, вес, плоть, все это интересно переносить на бумагу. Телесность — мера всему, ты это знал? В Античности мир измеряли пальцем, локтем, стопой. Ле Корбюзье, французский архитектор, изобрёл модульор.

Она провела кончиками пальцев по его затылку, по чёрным волосам, слипшимся от крови, и Леон вздрогнул.

— Он задумался, как сделать пропорции в архитектуре и механике соразмерными и гармоничными человеку. Потому вывел систему мер, основанную на человеческом теле. А искусство? Я люблю Караваджо, Галли, Луку Джордано. Человеческое барочное тело. Аполлон и Марсия. Бог сдирает кожу с Марсия; тот проиграл ему в музыкальном состязании, кичился, что будет лучше Аполлона, и Аполлон просунул руку между его мышцами и кожей, ухватился за подмышку, голыми руками начал рвать плоть. Мы эту пытку видим. Мы её ощущаем как личную. Понимаешь?

Леон хмыкнул, раскатисто, низко рассмеялся. Дешевый какой трюк, рассказывать ему, связанному в подвале, о пытках, и как боги античные людей раздирают на лоскуты. Что ему боги с полотен? Он это делал сам, своими руками. Он исподлобья посмотрел перед собой и снова усмехнулся.

Не страшно, крошка, старайся получше.

Что она с ним хочет сделать? Зачем он ей вообще?

Клара обошла его и встала против лица. Колени его были разведены в стороны, он скрючился на стуле и вскинул брови, когда Клара остановилась между его ног и подняла лицо за подбородок. Она долго вглядывалась в черты, с удовольствием улыбаясь. Взгляд ее был нечитаем. Леон по этим почти черным глазам не понимал, что она испытывает.

— Посиди здесь ещё немного, — сказала она ласково. — День. Два. Ты ещё в сознании, и мне это не очень нравится.

Что?

— Я оставлю тебя здесь. А пока приготовлю кое-что, чтобы порадовать. Тебе будет интересно.

Что?!

Она мягко склонилась к нему. Леон рыкнул, дёрнулся раз и другой, затем напрягся и взялся вырываться так, что заболела каждая мышца. Он был слишком разгорячён и взбешён теперь, чтобы почувствовать прохладные губы у себя на лбу — она его поцеловала — и низко, гортанно взревел ей вслед, когда Клара прошла до лестницы, поднялась на пролёт, выключила свет и хлопнула дверью, запирая его одного, в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.